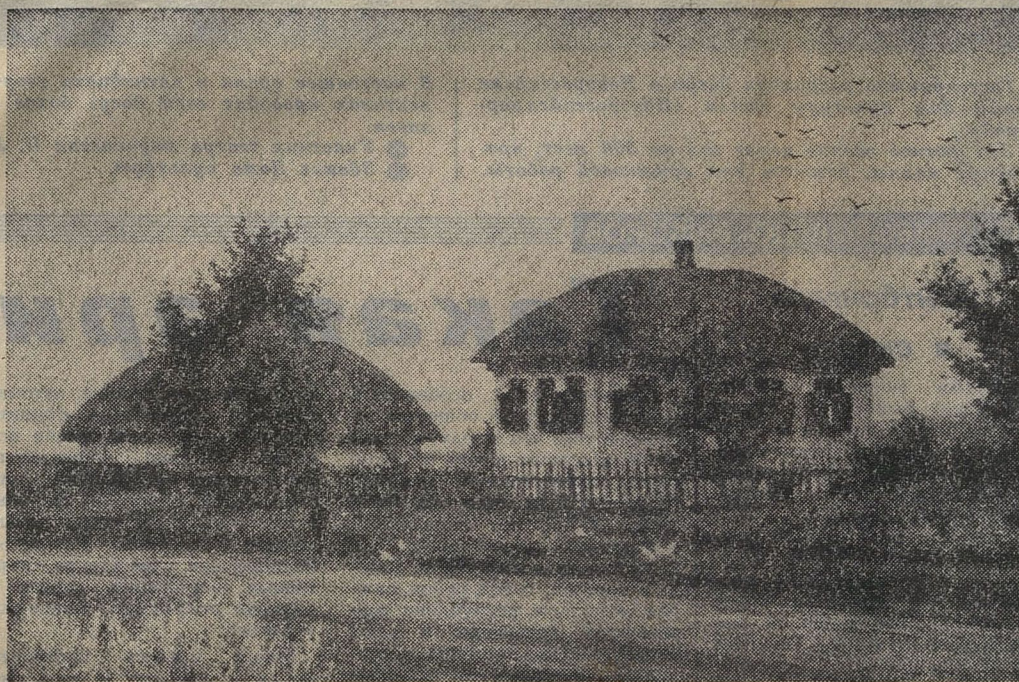

ВЕЛИКИЙ МАСТЕР СЛОВА

ПЕВЕЦ
СВЕТЛЫХ
НАЧАЛ

На родине Шолохова

ДОРОГ
СЕРДЦУ
КАЖДОГО

Президиум, действительные члены и члены-корреспонденты, научные сотрудники и педагоги ордена Ленина Академии художеств СССР с чувством глубокой горечи узнали о смерти Михаила Александровича Шолохова.

Шолохов вошел в историю советской и мировой литературы как величайший писатель, создавший немеркнущие образы борцов за народное счастье, с глубокой правдой и художественным совершенством раскрывший глубинные процессы колоссальных социальных преобразований.

Шолохов — это гордость советского народа, его любимый сын, выразитель его дум и стремлений, певец светлых начал в жизни. Он возвышал свой страстный голос в защиту мира, всей силой своего могучего таланта боролся за торжество гуманистических идеалов.

Для советских художников Шолохов необычайно дорог как великий представитель искусства социалистического реализма.

Вместе со всем советским народом, с дорогими Михаилу Александровичу донскими местами мы скорбим в связи с постигшей нашу и мировую художественную культуру тяжелой утратой.

ГЛУБОКАЯ ПЕЧАЛЬ

Я глубоко опечален известием о кончине Михаила Шолохова. Его роман «Тихий Дон» вошел в большую литературу наряду с произведениями Достоевского и других великих русских писателей.

Жорж СИМЕНОН.

Кончина М. А. Шолохова — это тяжелая утрата не только для советской, но и для всей мировой литературы. Ушел из жизни великий мастер слова, писатель-гигант, произведения которого давно уже стали ценнейшим достоянием всего человечества.

Дора АЛОНСО,
кубинская писательница.

Всю жизнь работая над пейзажами родной страны, родной природы, я все чаще задумывался над самим понятием великого, столь много в себя вмещающего слова: Родина. И когда я впервые оказался в Ясной Поляне, мне пришла в голову мысль: а что если попытаться языком красок выразить то, о чем в свое время так убедительно и ярко сказали великие художники слова?

Так началась моя большая пейзажная сюита, объединившая мотивы природы, среди которой жили и творили великие писатели нашей Родины. Так на протяжении более двух десятилетий возникли циклы: толстовский, тургеневский, пушкинский, лермонтовский.

Когда же настало время перекинуть мост в нашу эпоху, я задумался над тем, кто же из советских писателей поможет мне в решении моей нелегкой задачи. Одно имя остановило меня: Шолохов.

Перечитывая великую четырехтомную эпопею «Тихий Дон», убедился в том, что не ошибся и, может быть, впервые для себя открыл в писателе «пейзажиста», умевшего сочетать необычайную,

эпическую широту и мощь с тонким лиризмом. Для меня никогда пейзаж не был просто изображением того или иного мотива природы, полей, лесов, живописных групп деревьев. Во всем хотелось найти смысл, почувствовать: а что же за этими деревьями, что же скрывается в голубеющей дымке неоглядных далей? И Шолохов ответил на эти и многие другие вопросы, которые вставали в моей работе. Как эпиграф к донским пейзажам прозвучали полные глубокой любви слова: «Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачья, нержавеющей кровью политая степь!».

Счастлив должен быть человек, подумал я, который среди просторов нашей огромной необъятной земли находит уголок, где так искренне и горячо, не умом, а сердцем может испытать чувство Родины, дорогое каждому человеку.

Выбор был сделан!

Однако те или иные творческие задачи уводили в сторону вплоть до весны 1973 года, когда мы с женой оказались в Вешенской.

Два года работы, поездок

по придонским степям и курганам позволили мне еще больше понять и оценить Шолохова-пейзажиста, убедиться воочию в его необычайно сильном и остром поэтическом чувстве, в умении сочетать мельчайшие детали, написанные выпукло и зримо, с панорамами, от широты которых дух захватывает. Как передать эти необычайные картины мне, художнику, впервые попавшему в мир степных раздолий, среди которых голубой лентой, огибая беслые холмы, несет к Азовскому морю свои воды легендарный Дон?

Вспоминались тут и струги Степана Разина, и азовские походы Петра Великого, и многое другое, но все заслонили живые герои драматических эпосов Шолохова... Будучи новичком в этих местах, зная, какой зоркий художник живет здесь всю свою жизнь, я в первый год своей работы в Вешенской не рисковал познакомить писателя со своими попытками изобразить природу, так горячо любимую им и так хорошо понятую.

Лишь через год состоялось наше знакомство, когда я мог показать Михаилу Александровичу около двадцати пейзажей. Шолохов слишком хорошо известен по фотографиям и кинолентам, так что нет надобности описывать его внешность, но глаза светлоголубые, прозрачные и пронзительные незабываемы, и их взгляд не передаст ни один фото- и кинодокумент.

Со свойственным ему лаконизмом после просмотра моих работ он сказал только три слова: «Здесь все правда!». Для меня, пожалуй, это было высшей оценкой, даже не вполне заслуженной, как казалось мне, так как я понял уже давно, что правда для Шолохова была главным и высшим критерием искусства.

И вновь началась работа, скитания по степным дорогам, по курганам, по крутым берегам Дона. Самой большой проверкой художественных впечатлений было чтение вслух моей женой произведений Шолохова во время сеансов где-нибудь у степной балки или на одном из обдонских холмов. Особенно в степи, когда, кроме пения жаворонка в высоком безоблачном небе да звона кузнечиков в высокой степной траве, не слышно иных звуков, вдруг раздаются веселые, точные слова, напоминающие о том, что эта степь, так радостно и безмятежно раскинувшаяся перед нами, была когда-то обильно полита «нержавеющей казачьей кровью». И кажется, слышим уже отдаленный топот конских копыт и свист и гиканье лихих всадников.

Когда, наконец, мы пришли с прощальным визитом к Михаилу Александровичу, он, пожимаая мне руку, сказал: «Приезжайте к нам жить, землю вам выделим и в казачьи произведения!»

Далеко ушло то время, много с той поры пройдено дорог и увидено людей, забылось многое. А встреча с Шолоховым, с воспетой им землей незабываема.

Б. ЩЕРБАКОВ,
член-корреспондент
Академии художеств СССР.

● Б. ЩЕРБАКОВ. «Хутор Кружильинский. Дом, где родился М. А. Шолохов».

Я болгарский писатель, сын писателя. Мой дед был народным учителем, преподавателем русского языка, одним из первых подписчиков ленинской «Искры», первый переводчик «Разгрома» Фадеева.

В нашем доме было много книг и три портрета: В. И. Ленина, М. Горького и М. Шолохова. Это были наши семейные кумиры. Они странствовали вместе с нами в трудные годы фашизма. Тогда мы вынуждены были часто менять квартиры, и я хорошо помню, как, въезжая в очередную квартиру, отец первым делом вешал портреты трех великих русских людей, и сразу наступал праздник и не было страшно жить, потому что глаза всех трех вдыхали силу и бодрость.

Я был тогда мальчишкой и мало что знал о гениальном донском казаке, не знал, что он замечательный летописец Страны Советов, но глаза его пленяли меня своей добротой, невероятной способностью излучать доверие...

Пишу эти строки и не могу поверить, что Михаила Шолохова больше нет, что в распаханную им целину советской литературы он больше не бросит золотые семена!

Автор «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Донских рассказов», «Судьбы человека» знаменит и уважаем в целом свете. Нет дома в Болгарии, где не стояли бы его книги. Нет у нас такого человека, который бы не знал о Шолохове. И то, что он написал.

Символично, что Михаил Шолохов навсегда останется в донской степи, в родной станице Вешенской. Отсюда начал свой путь великий писатель, тут он жил и творил. И нет никаких сомнений, что тропа к его дому никогда не зарастет травой.

После того как я написал эти слова прощания с Михаилом Шолоховым, я смотрел — в который раз! — фильм Бондарчука «Судьба человека». И я плакал, не стесняясь своих слез.

Орлин ОРЛИНОВ,
поэт, заслуженный деятель культуры, лауреат Димитровской премии. София.